

ется нерешенным вопрос о способах проверки достоверности получаемых результатов, в особенности если исследователю не удастся отыскать этнографического подтверждения тем связям, которые конструируются на уровне структуральной модели. Зачастую получается так, что способ проверки исследователю-структуралисту приходится отыскивать *ad hoc*, причем лишь на заключительной стадии исследования. Проверка результатов при этом оказывается принципиально невозможной.

А. М. Хазанов

ЗАРОЖДЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ В АНГОЛЕ, МОЗАМБИКЕ И ГВИНЕЕ-БИСАУ

Завоевание народами Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау национальной независимости положило начало глубоким социально-экономическим преобразованиям, которые сопровождаются значительными переменами в сфере идеологии и культуры. Важной составной частью духовного раскрепощения является зарождение национальной этнографии, что отражает рост общественного сознания, стремление глубже изучить историю, культуру и национальные обычаи народов этих стран — бывших колоний Португалии.

Научное исследование проблем этнографии народов португалоязычных стран Африки — вообще дело сравнительно недавнее. Можно говорить лишь о самой первой, начальной фазе накопления и осмысления этнографических знаний в Анголе, Мозамбике и Гвинеи-Бисау. Ни в одной из этих стран этнография еще не оформилась как самостоятельная дисциплина, не существует научно-исследовательских центров, специально изучающих этнографию. Этнографическая наука не отпочковалась от других смежных научных дисциплин (демографии, истории, социологии, философии, географии); этнографические данные, как правило, содержатся в исследованиях, имеющих широкий общественно-научный характер.

На возникновение национальной этнографии в португалоязычных странах Африки оказывают значительное воздействие три главных фактора: 1) наличие у африканских народов донаучных традиционных истории и фольклора, передаваемых в устной форме от поколения к поколению; 2) влияние этнографической, исторической и географической науки Португалии, всегда проявлявшей большой интерес к своим заморским владениям; 3) идеология национально-освободительной борьбы, революционно-демократическая по своему содержанию, испытавшая существенное воздействие идей научного социализма. Рассмотрим действие этих факторов более подробно.

Как и в других странах Африки, историко-этнографические знания в Анголе, Мозамбике и Гвинеи-Бисау в течение многих веков передавались от старших поколений к младшим в устной форме, в виде различных преданий, легенд и генеалогий правящих родов. Хранителями племенных традиций и относящегося к ним фольклора были старейшины, у некоторых народностей — профессиональные сказители.

Еще в первой половине XIX в. португальцы не знали точных границ своих владений в Африке. И уж совсем неопределенным было у португальцев представление о глубинных районах колоний. До 70-х годов XIX в. лишь отдельные европейские торговцы, землепроходцы и миссионеры проникали во внутренние области Анголы. Некоторые из них, такие, как венгр Ласло Мадьяр, изучали страну и записывали свои наблюдения.

Большую научно-исследовательскую работу в 1877—1879 гг. провел португальский путешественник А. А. да Роша Серпа Пинту. Во главе

экспедиции он прошел от Бенгелы до верховьев р. Замбези. Серпа Пинту одним из первых пересек Африку от океана до океана, закончив свой путь в Натале (Южная Африка). Наряду с географическими данными он записывал и свои этнографические наблюдения.

Исследование северо-востока Анголы (район Лунда) к середине 90-х годов XIX в. провели немецкие путешественники А. Э. Люкс, П. Погге и Ю. Шютт. Однако более или менее знакомой европейцам вся территория Анголы стала не ранее 1915 г. ввиду того, что полностью колонизованным оставалось только побережье.

Пионером этнографии Анголы был португальский ученый Феррейра Диниш, который на основе серьезных полевых исследований составил первую научно обоснованную этническую картину страны. Крупнейшим специалистом по этнографии Анголы является также португалец Жозе Рединья, долгие годы живший и работавший там. Он основал музей в Дунду и читал лекции в университете в Луанде. После завоевания Анголой независимости Ж. Рединья переехал в Португалию, но вскоре по специальному приглашению правительства НРА вновь вернулся в Анголу и преподавал преподавать в Луандском университете. Перу Ж. Рединья принадлежит ряд фундаментальных трудов, в которых глубоко исследованы важные проблемы этнографии Анголы¹. Так, он убедительно доказал, что бантуязычные народы, составляющие большинство населения², а также бушменские группы образуют автохтонное население страны³.

Некоторые этнографические сведения о народах Мозамбика можно обнаружить в сочинениях португальцев Жерониму Ромеро, Жуана де Азеведо Коутинью и майора Пери да Камара⁴ а также в работах английских исследователей XIX в. Чонси Мэплеса и Джона Кирка⁵ и особенно в сочинениях английских путешественников Давида Ливингстона и др.

Наряду с полезной информацией, относящейся к этнографической характеристике народов севера Мозамбика, в этих сочинениях содержатся крайне предвзятые, тенденциозные оценки и суждения, отражающие европоцентристскую ограниченность мировоззрения их авторов.

Более серьезные этнографические исследования стали проводиться в Мозамбике после того, как в 1917 г. была официально завершена оккупация («замирение») северной части страны, а в октябре 1929 г. португальцы установили прямой контроль, взяв в свои руки управление компанией Ньяса. В статье, вышедшей в 1935 г. в «Главном бюллетене колонии», Ж. да Силвейра привел интересные данные о первых годах действия системы прямого управления⁶. Другая статья, опубликованная в этом бюллетене, дает некоторую статистическую информацию о населении района Муэда в 1930 г.⁶

В 50-е годы XX в. народ маконде стал объектом пристального изучения со стороны серьезных португальских этнографов, среди которых в первую очередь следует назвать Жоржи Диаша. Результатом его многолетних исследований стало опубликование фундаментального четырехтомного труда, содержащего в целом объективную и обстоятельную этнографическую характеристику этого этноса⁷. Труд Ж. Диаша до сих

¹ *Redinha Jose*. Distribuicao etnica de Angola. Luanda, 1974; *idem*. Etnias e culturas de Angola. Luanda, 1974.

² *Idem*. Distribuicao etnica de Angola. P. 8.

³ *Jeronimo Romero*. Memoria acerca do distrito de Cabo Delgado. Lisboa, 1856; *Coutinho Joao*. Nyassa a Pemba: os territorios da companhia do Nyassa. Lisboa, 1893; *Canara Perry da*. Africa Oriental. Lisboa, 1893.

⁴ *Maples Ch*. Makua Land, between the Rivers Rovuma and Luli//Proceedings of the Royal Geographical Society. New Series. № 4. L., 1882. P. 79—87; *Kirk J. A*. A Visit to the Munego District, near Cabo Delgado//Ibid. № 21. L., 1877. P. 588—589.

⁵ *Silveira Jonas da*. Quatro anos do governo em Cabo Delgado//Boletim geral das Colonias. № 117. V. II. Lisboa, 1935.

⁶ (Anonimo). Regiao dos Macondes//Ibid. № 110—111. V. X. Lisboa, 1934. P. 252—254.

⁷ *Dias Jorge*. Os Macondes de Mozambique. 4 vols. Lisboa, 1964—1970.

пор остается лучшим в мировой литературе исследованием этнографии и истории маконде⁸.

Многие португальские путешественники и миссионеры (а позднее и ученые) приводят в своих трудах отдельные сведения об этнографии и языках народов португальских колоний. Среди них встречались и подлинные друзья африканцев, непредвзято, с симпатией относившиеся к африканской народной культуре и многое сделавшие для ее изучения. Наиболее яркий пример — деятельность писателя и историка Каштру Сороменью (1910—1968 гг.). По происхождению португалец, он родился в Мозамбике, а затем всю жизнь посвятил исследованию и пропаганде культуры народов Анголы. Каштру Сороменью провел большую работу по сбору и обработке произведений устного народного творчества в этой стране. На основе народных легенд он написал книгу, которая была издана и в СССР⁹. В ней содержится значительный этнографический материал, касающийся происхождения и истории ряда племен, брака и семьи, систем родства, племенных обычаев, жилища, одежды этносов, населяющих Анголу¹⁰.

Именно лучшие португальские ученые оказали наибольшее влияние на формирование мировоззрения первых африканских историков, социологов и этнографов в этих странах. Однако такие прогрессивно мыслящие португальские интеллигенты составляли лишь незначительное меньшинство среди ревностных апологетов колониальной политики Португалии, пытавшихся доказать неполноценность и неспособность народов негроидной расы к самоуправлению. Очень точную характеристику сочинений такого рода дал известный французский историк Р. Пелисье. Он писал, что авторы этих работ — «главным образом любители, типичными представителями которых являются миссионер, у которого много свободного времени и государственных средств, и чиновник, интересующийся старыми бумагами, уцелевшими от жестокости людей и прожорливости термитов. Ни для кого не секрет, что результаты труда тех и других — это история или скорее колониальные хроники, ограничивающиеся восхвалением славных предков колонизаторов и цивилизаторской миссии Португалии. Такие писатели признают какие-либо достоинства за африканцами только в тех случаях, когда этим можно подчеркнуть достоинства завоевателей. Так, они признают храбрость народов овамбо или нгуни, поскольку это свидетельствует о храбрости майора Алвиш Росадаша, генерала Перейры де Эсы, Моусинью Албукерки и других „героев" школы Антониу Эниша»¹¹ (Антониу Эниш — португальский ко-

⁸ Ibidem.

⁹ Истории черной земли. Сказки и легенды Анголы. М., 1975.

¹⁰ Определенный вклад в изучение этнографии народов португальских колоний внесли иностранные непортугальские ученые. Так, англичанин М. Чайлдз опубликовал ценный труд по этнографии овимбунду в Анголе. Американец Э. Элперс исследовал историю яо, К. Эстерман (миссионер и этнограф) изучал племена, живущие в юго-западной части Анголы; англичане Д. П. Абрэхэм и Д. Бнч собрали и проанализировали устный народный эпос народов языковой группы шона в Восточной Африке, на основе которого им удалось восстановить историю ранних миграций шона и создания ими государства Мономотапа. Представляет интерес диссертация немецкого ученого Лизенганга о народе нгуни. Много сделали для изучения этнографии народов Анголы и Мозамбика англичане Р. Бирмингем, А. Айзаакмэн, Р. Саммерс, Л. Томпсон, бельгиец Ж. Вансина. См.: Childs G. M. Umbundu Kinship and Character. Oxford, 1949; Alpers E. Dynasties of the Mutapa — Rozwi Complex//The Journal of African History (далее — JAH). L., 1970. V. XI. № 2; Estermann C. Etnografia do sudoeste de Angola. Luanda, 1961; Abraham D. P. The Early Political History of the Kingdom of Muenemutapa//History in Tropical Africa. Salisbury, 1962; idem. Maramuca: an Exercise in the Combined Use of Portuguese Records and Oral Tradition//JAH, 1961. V. II. № 2; Birmingham D. Trade and Conflict in Angola: the Mbundu and Their Neighbours under the Influence of the Portuguese 1483—1790. Oxford, 1966; Isaacman A. The Origin, Formation and Early History of the Chikunda//JAH, 1972. V. XIII. № 3; Summers R. Zimbabwe. A Rhodesia Mystery. Nelson, 1963; idem. The Southern Rhodesian Iron Age//JAH. 1961. V. II. № 1; idem. Ancient Mining in Rhodesia. Salisbury, 1969; Vansina J. Introduction a l'ethnographie du Congo. Kinshasa etc., 1966; etc.

¹¹ Pelissier R. Comments on Recent Historical Writings Concerning Angola and Mozambique//The Historiography of Southern Africa. P., UNESCO, 1980. P. 46.

лониальный администратор, осуществивший в Мозамбике ряд реформ.—
А. Х).

На формирование мировоззрения первых африканских социологов, историков, этнографов значительное воздействие оказали концепции португальской буржуазной историографии, особенно доктрина «лузо-тропикализма». Последняя в наиболее полном виде развита в сочинениях бразильского социолога и историка Жилберту Фрейре¹². Согласно этой концепции, португальцам присущи некие особые социально-психологические свойства. Они якобы заключаются в отсутствии всяких расовых предрассудков, в умении приспосабливаться к чуждой им социальной среде (особенно в условиях тропиков) и преобразовать ее посредством биологической и культурной ассимиляции.

Проводниками подобного воздействия прежде всего были научно-исследовательские центры, созданные португальцами непосредственно в Африке. Поскольку колонизаторы для удержания в подчинении покоренных народов нуждались не только в военной силе, но и в определенном комплексе знаний об этих странах и их населении, они открыли в Анголе и Мозамбике ряд небольших научно-исследовательских учреждений: сначала были созданы архивы (в Анголе—в 1933 г., в Мозамбике—в 1940 г.), музеи, а в 1955 г. в обеих колониях—институты научных исследований¹³. Особенно надо отметить научную деятельность второго по величине в Африке (после Каирского) музея Дунду (в Луанде), созданного на средства алмазодобывающей компании «Диаманг». Во главе некоторых из названных научных центров стояли известные португальские ученые. Так, директором института в Луанде был Ф. Диниш, а музей в Дунду в течение 23-х лет (с 1936 по 1959 г.) возглавлял Ж. Рединья, главная работа которого об этническом составе Анголы выдержала восемь изданий (последнее—в 1974 г.)¹⁴. Ряд работ по этнографии Цародов Гвинеи-Бисау был выпущен существовавшим в этой стране Центром исследований Португальской Гвинеи¹⁵.

В самой Португалии определенную работу по изучению истории африканских колоний проводил Центр изучения истории заморских территорий (в частности, по изданию исторических источников периода португальской колонизации). Так, с 1962 г. началась публикация архивных материалов на английском и португальском языках под названием «Документы о португальцах в Мозамбике и Центральной Африке, 1477—1840». В них содержатся многочисленные ценные сведения по истории и этнографии народов Мозамбика, Замбии, Зимбабве и Малави.

Следует иметь в виду, что в период колониального господства Португалии все эти научно-исследовательские центры были призваны обслуживать колониальный режим, содействуя более эффективной эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Для подавляющего большинства научных работ, написанных португальскими этнографами, историками, социологами и лингвистами в период колониализма, характерны идеи расового превосходства, расистского пренебрежения к истории и культуре африканских народов и муссирование тезиса о мифической «цивилизаторской миссии Португалии в Африке». Один историк справедливо заметил в связи с этим: «Португальцы любят не историю, а только свои мифы»¹⁶.

В таких работах «уникальность» заморской политики Португалии обосновывалась ссылками на фрейдистскую теорию психоанализа, на которую опиралась теория «лузо-тропикализма». «Лузо-тропикалистские» идеи оказали значительное влияние на развитие исторической и этнографической мысли в Анголе.

¹² Freyre Gilberto. The Portuguese and the Tropics. Lisboa, 1961.

¹³ Angola. Reconstrucao Nacional. P., s. d.

¹⁴ Redinha Jose. Distribuicao etnica de Angola.

¹⁵ См.: например: Santos Lima A. J. Organizagao economica e social dos Bijagos. Lisboa, 1947; Martins de Meireles S. Mutilacoes etnicos dos Manjacos. Bissau, 1960, etc.

¹⁶ Archives de l'UNESCO. Gaberone, 1977. P. 1.

Немногочисленные ученые-африканцы не имели возможностей для научной работы; как правило, они бывали вынуждены эмигрировать из-за политических преследований. Так, первый президент ФРЕЛИМО Эдуардо Мондлане (1920—1969 гг.), получив солидное образование социолога и этнографа и находясь долгие годы вдали от своей родины, создал ряд оригинальных научных трудов по истории Мозамбика. Типична и судьба крупного ангольского социолога Энрике Лопиш Герры, проведенного 8 лет в салазаровской тюрьме Пенише и написавшего там свое исследование¹⁸. Если принять во внимание все эти факты, а также исключительную культурную отсталость африканских колоний Португалии, легко понять, почему формировавшиеся в ходе освободительной борьбы общественные науки Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау с самого своего рождения вели упорную борьбу против концепций буржуазной исторической науки Португалии, и прежде всего против теории «лузо-тропикализма».

Большое значение для пробуждения национального самосознания ангольцев, создания предпосылок для развития у них национальных исторических и этнографических исследований имело начавшееся в 1948 г. культурно-просветительское движение под лозунгом «Идем открывать Анголу». Его рупором стал журнал «Менсаженъ» («Послание»), По инициативе А. Нето, А. Кабрала, М. де Андраде и поэта с о-ва Сан-Томе Ф. Ж. Тенрейру в 1951 г. в Лиссабоне был создан Центр африканских исследований, где молодые африканские патристически настроенные интеллигенты из колоний Португалии устраивали дискуссии по проблемам истории, этнографии, культуры, будущности своих стран. Общими характерными мотивами, пронизывавшими все произведения, печатавшиеся в «Менсажене», были не только патриотизм и национальное чувство, но и страстный призыв к борьбе за освобождение. После выхода четырех номеров журнал «Менсаженъ» был запрещен колониальными властями, а издававшие его лица подверглись репрессиям.

В Мозамбике движение за возрождение африканской истории и культуры возглавили писатели Жозе Кравейринья, Ноэмия де Соуза, Марселину Душ Сантуш и Сержио Виейра, группировавшиеся вокруг журнала «У Браду» («Крик»)¹⁹.

Деятельность первых интеллигентов-просветителей в 40—50-е годы XX в. пробуждала в широких кругах африканцев интерес к своему историческому прошлому, культуре, традициям, языкам, создавая таким образом благоприятный общественный климат для становления национальной историографии и этнографии.

Можно сказать, что истоками национальной этнографии в Анголе, Мозамбике и Гвинеи-Бисау были, с одной стороны, политические идеи руководителей революционно-демократических партий, а с другой — специальные публикации африканских авторов, вышедшие и эмиграции. В речах и статьях Э. Мондлане, А. Нето, А. Кабрала и других лидеров национально-освободительной борьбы не только разъяснялись программные документы движения, его стратегия и тактика, но и подвергались глубокому анализу социально-экономическое положение соответствующих стран, их классовая и этническая структура, исторические корни движения сопротивления²⁰.

В книге Э. Мондлане «Борьба за Мозамбик» вскрыты специфические особенности португальского колониализма, показаны причины его кризиса, выявлены социально-экономические и исторические предпосылки национально-освободительного движения, а также дана характеристика различных этнических компонентов, составляющих население Мозамбика (африканцев, мулатов, выходцев из Азии и белых). Э. Мондлане

¹⁷ Мондлане Э. Борьба за Мозамбик. М., 1972.

¹⁸ *Guerra Henrique*. Angola: estrutura economica e classes sociais. 1. edifao. S. 1, 1975.

¹⁹ См. Рязова Е. А. Португалоязычные литературы. М., 1972. С. 206.

²⁰ Мондлане Э. Указ. раб.; Кабрал А. Революция в Гвинеи//Избранные статьи и речи. М., 1973; *Pensamento politico do camarada Presidente Agostinho Neto*. S. 1. S. d.

убедительно опровергает утверждения португальских апологетов концепции «ассимиляции», характеризовавших ее как либеральную и не имеющую ничего общего с расизмом. В соответствии с ней каждый житель Португальской империи имел возможность приобщиться к европейской цивилизации и получить равные с португальцами права независимо от цвета кожи. На самом деле, как правильно заключает Э. Мондлане, она является по своей сути расистской концепцией. «Одно из нелепых противоречий этой системы,— пишет Э. Мондлане,— состоит в том, что, хотя с „ассимилированным“ африканцем обращаются иначе, чем с белым, от него самого ожидают полного отождествления себя с белыми.

Конечная цель политики ассимиляции — превратить незначительное число африканцев в „почетных белых“. Но в таком случае нельзя говорить об отсутствии расизма»²¹. В своей книге Э. Мондлане с сожалением констатировал, что изучение социально-этнического состава населения Мозамбика в условиях колониального режима было трудно проводить из-за отсутствия широких полевых исследований. Колониальные власти ставили преграды на пути подобных попыток, а это, как правильно подмечает Э. Мондлане, доказывало, что власти прекрасно понимали, что созданная ими теория не подтверждалась фактическими данными. Автор приводит сведения (взятые из изданной в 1964 г. в Лиссабоне монографии «Социальный прогресс в Мозамбике»), согласно которым население Мозамбика делилось на три категории: 1) меньшинство (около 2,5% общей численности населения), включавшее белых, выходцев из Азии, мулатов и небольшое число африканцев, которые вели европейский образ жизни и были почти полностью урбанизированы; 2) вторая небольшая группа (3,5% населения) включала представителей разных рас, но преобладали в ней африканцы (эта группа населения была сосредоточена вокруг крупнейших городов). Африканцы, принадлежавшие к ней, были выходцами из деревень, иногда они теряли связь со своим племенем, порывая, таким образом, хотя бы частично, с его культурными и социальными традициями, и обычно становились пролетариями; 3) третья и самая большая группа (94% населения) состояла в подавляющем большинстве из африканцев; это были крестьяне, жившие в условиях натурального хозяйства (лишь некоторые из них выращивали товарные культуры) и норм обычного права²².

Работа Э. Мондлане до сих пор имеет большую научную и политическую ценность. Сохраняют свою актуальность содержащиеся в ней анализ социально-этнической структуры населения Мозамбика и убедительная критика теорий «ассимиляции» и «лузо-тропикализма». Э. Мондлане доказал их ненаучность, поскольку португальские колонизаторы всегда практиковали расовую дискриминацию в отношении колонизованных народов и расизм проник во все сферы общественной жизни португальских колоний²³.

Выдающийся вклад в изучение социально-этнической структуры африканского общества (прежде всего Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса) внес Амилькар Кабрал. Он был не только революционером, основавшим партию ПАИГК, но и выдающимся ученым. Во многих научных и публицистических работах Кабрала рассматриваются наряду с политическими, социальными, экономическими и историческими проблемами также и вопросы, имеющие непосредственное отношение к этнографической науке. Ряд статей и речей А. Кабрала был издан на русском языке отдельной книгой²⁴. В докладе на семинаре в Центре имени Ф. Фанона (Милан, 1964 г.) А. Кабрал подробно рассмотрел роль различных классов и групп в национально-освободительном движении. Он дал тонкий анализ социально-этнической структуры населения Гвинеи-Бисау, показав, что до независимости здесь не было четкой социальной дифференциации. Исходя из этого, А. Кабрал развил свою зна-

²¹ Мондлане Э. Указ. раб. С. 48.

²² Там же. С. 36.

²³ Там же.

²⁴ Кабрал А. Указ. раб.

менитую концепцию «нации-класса». В интервью 28 октября 1971 г. А. Кабрал заявил: «...наша борьба по существу основывается не на классовой борьбе, а скорее на борьбе, которую ведет наша нация-класс против правящего класса Португалии..., через эту борьбу мы формируем нашу африканскую нацию, которая... еще как следует не оформилась из-за проблем многих этнических групп и всевозможных барьеров, созданных колониалистской властью: барьеры между „туземцами“ и ассимиладуш (мулаты и африканцы, имевшие права португальского гражданства,— А. Х.), между горожанами и крестьянами и т. п. Мы создаем нашу Африканскую Нацию, которая обретает все большее самосознание»²⁵. Большой интерес представляют мысли А. Кабрала о роли культуры в национально-освободительном движении. Он считал, что «культура лежит в самой основе освободительного движения, и только те общества способны мобилизоваться, организоваться и бороться против иностранного господства, которые сохраняют свою культуру». А. Кабрал определял освободительную борьбу как одно из проявлений национальной культуры²⁶. По его мнению, множественность социальных, и в частности этнических, категорий усложняет определение роли культуры в освободительном движении. Однако несомненно, считал А. Кабрал, что сложность и важность культурных проблем проявляются во всей полноте только в процессе борьбы. «В ходе борьбы руководители освободительного движения... и народные массы... повышают свой культурный уровень: они приобретают более широкое знание действительности своей страны, освобождаются от комплексов и классовых предрассудков, расширяют границы своего кругозора, ломают этнические барьеры, укрепляют свое политическое сознание, более активно включают в жизнь своей страны и всего мира»²⁷. При создании партии ПАИГК А. Кабрал учитывал специфику социально-этнической структуры населения страны. В случае Гвинеи-Бисау, как отмечал А. Кабрал, противоречия на уровне классов были не очень значительными. Народ баланте, например, вообще не имел классовой стратификации, у фула, манджак, мандинго она была выражена весьма нечетко. Такая социальная структура, относительное отсутствие четко выраженной классовой дифференциации обусловили своего рода «консенсус» всех слоев коренного населения в отношении колониализма. Учитывая все это, А. Кабрал счел возможным создать в Гвинеи-Бисау партию, а не национальный фронт или движение, состоящее из разнородных элементов, как это имело место в Анголе и Мозамбике.

Богатейшее научно-теоретическое наследие А. Кабрала помогает народам африканских стран яснее и глубже осознать те проблемы, которые стоят перед ними на пути к социальному и духовному прогрессу.

Понимая важность идеологического воспитания борцов за независимость на героических традициях африканских народов, а также роль исторических знаний в становлении нового человека, Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) и Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) создали в эмиграции небольшие научные учреждения, имевшие целью разработку актуальных проблем истории, социологии, культуры. МПЛА основало в Алжире Центр ангольских исследований, а ФРЕЛИМО открыл в Дар-эс-Саламе Мозамбикский институт, который поначалу был учебным заведением, где обучались дети партизан, но затем стал вести определенную исследовательскую работу. Именно немногочисленные сотрудники этих учреждений подготовили первые сводные работы по истории своих стран, написанные с новых методологических позиций, близких к историческому материализму.

Весной 1964 г. рабочая группа по истории и этнологии Центра ангольских исследований опубликовала первый научно-популярный труд—

²⁵ The African Liberation Reader. L., 1982.

²⁶ Кабрал А. Указ. раб. С. 252—253.

²⁷ Там же. С. 254.

элементарный этноисторический очерк Анголы, принадлежащий перу Э. Абраншиша²⁸. В обращении к читателям, бойцам партизанских отрядов, автор подчеркивает настоятельную необходимость овладения научными знаниями: «Чтобы революция победила, нужна всеобщая мобилизация масс. Знание организации ангольского общества, а также его экономической базы, истории и этнографической структуры имеет существенное значение для научного руководства ангольской революцией». Автор рассматривает свою небольшую книжку в качестве учебного пособия для участников вооруженной антиколониальной войны, необходимого для их революционного воспитания и овладения грамотой.

В 1965 г. тот же научный коллектив издал в Алжире «Историю Анголы», в которой значительно полнее и глубже освещалось прошлое страны. Книга затем неоднократно переиздавалась и после провозглашения Народной Республики Ангола стала основным учебным пособием для школ и вузов, а также широко используется в идеологической работе²⁹. Большое внимание в ней уделено социальным вопросам; заключительная фраза звучит так: «История Анголы, как и всякой другой страны, есть история борьбы классов в различных формах»³⁰.

Несколько позже, чем в Анголе, появляются первые обобщающие работы африканских авторов по истории Мозамбика. В 1971 г. отдел образования и культуры ФРЕЛИМО издал «Историю Мозамбика»³¹. Во Введении указывается, что при написании истории Мозамбика авторы избрали единственно возможный метод, который соответствует переживаемому страной историческому периоду,— метод революционный. Под этим понимается полный разрыв с португальской буржуазной историографией, искажавшей прошлое африканских народов; она рассматривала его только под углом зрения португальской колонизации, будто история Мозамбика начинается лишь с появлением европейцев. На самом деле мозамбикский народ всегда имел, как и другие народы мира, свою собственную историю. «Поэтому,— пишут авторы,— мы будем стремиться изучать историю Мозамбика с мозамбикской точки зрения, или, другими словами, базируясь на истории мозамбикского народа».

Хронологические рамки книги — от первобытно-общинного строя до эпохи империализма (до 1900 г.). Общественный строй доколониального Мозамбика характеризуется как феодальный, хотя конкретно классовая структура общества не исследуется. Глубокое влияние на историю народов этого региона оказало существовавшее более восьми столетий в бассейне рек Замбези и Лимпопо государство Мванамутапа (Мономотапа), которое в течение веков сдерживало натиск португальских колонизаторов.

Заслуживает внимания также книга ангольского исследователя А. Боавида «Ангола: пять веков португальской эксплуатации»³². А. Боавида окончил лицей в Луанде, а затем медицинский факультет университета в Порту (Португалия). После он стажировался в университетах Барселоны и Праги, а в 1955 г. вернулся в Анголу. В 1960 г. в разгар салазаровских репрессий А. Боавида эмигрировал в Гвинею (Конакри), вступил в МПЛА и был назначен президентом Добровольного ангольского корпуса помощи беженцам в Заире. В 1963 г., когда власти Заира запретили деятельность этой организации, А. Боавида переехал в Марокко, где занялся исследованиями по истории Анголы, результатом чего явилась вышеупомянутая книга, первоначально изданная в 1966 г. на французском языке. С 1966 г. и вплоть до своей трагической гибели в 1968 г. А. Боавида лечил раненых партизан и был директором службы медицинской помощи Восточного фронта.

²⁸ *Abranches Henrique*. Elementos para o estudo etno-historico de Angola. Alger, 1964.

²⁹ *Historia de Angola*. 11 edicao. Luanda, 1976.

³⁰ *Ibid.* P. 157.

³¹ *Historia de Mozambique*. FRELIMO, 1971.

³² *Boavida Americo*. Angola. Cinco seculos de exploracao portuguesa. Lisboa, 1981.

Книга А. Боавиды посвящена анализу политического, исторического, экономического и международного аспектов колониального режима, установленного Португалией в Анголе. Во второй части работы имеется раздел, посвященный истории европейской общины в Анголе. Автор приводит интересные данные, характеризующие динамику европейского населения с 1830 по 1962 г. По его сведениям, с 1900 по 1962 г. европейское население Анголы увеличилось с 21 тыс. до 122 тыс. (не считая колониальных войск)³³. В 1960 г. в Анголе на 22 африканца приходился 1 белый.

Ценные сведения по демографии и этнографии Анголы приведены в обстоятельной монографии Карлуша Роша Дилолва «Вклад в экономическую историю Анголы»³⁴. Главная тема книги — эволюция экономики Анголы с древнейших времен. С точки зрения нашей темы представляет интерес глава «Люди», в которой имеются данные об этнографическом составе населения, географии отдельных этносов, динамике населения, миграциях внутри страны, а также о возрастном и классовом составе населения. В результате своего анализа К. Роша Дилолва пришел к следующим выводам:

1. Для Анголы в прошлом (как и в настоящем) была характерна низкая плотность населения и очень неравномерное его территориальное распределение: 90% его проживало в западной части страны.

2. Белые, численность которых хотя и быстро увеличивалась в последние 30 лет колониального господства, составляли не более 6% всего населения, включая солдат.

3. В Анголе существуют много этнолингвистических групп и ни одна из них не составляет подавляющего большинства населения.

4. Миграции были характерным явлением для Анголы, они особенно усиливались во время войн.

5. В 1973 г. 62% белых, 62% мулатов и только 11% африканцев жили в городах³⁵.

Среди самых крупных ангольских историков, социологов и этнографов можно назвать Энрике Абраншиша. В 1956—1962 гг. Э. Абраншиш опубликовал в журнале «Культура» ряд статей по этнографии и фольклору Анголы, этнографические очерки о народе гангела в газете Ассоциации уроженцев Анголы, написал монографию о традиционных музыкальных инструментах (рукопись была потеряна в 1961 г.). Переехав по решению руководства МПЛА в 1962 г. в Алжир, Э. Абраншиш с группой других членов МПЛА основал Центр ангольских исследований. В 1965 г. этот центр издал под руководством Э. Абраншиша уже упоминавшуюся «Историю Анголы».

Работой, в известной мере обобщающей исследования Э. Абраншиша в области истории, социологии, этнографии и антропологии, явилась его монография «Размышления о национальной культуре»³⁶, вышедшая в 1980 г. В этой работе дан глубокий анализ некоторых аспектов истории и современного состояния ангольской культуры. В частности, автор исследует общие и региональные особенности культурных традиций ангольцев, уделив особое внимание традиционным ремеслам, а также ремесленникам, которых он рассматривает как «продукт высокого уровня разделения труда и социальной организации»³⁷. Значительное место в монографии отведено анализу фетишизма как формы религиозного сознания. Остановившись на истории различных религиозных учений и сект в Анголе, Э. Абраншиш указывает на различия и особенности, характерные для отдельных этнических групп. В книге дана аргументированная критика теории «негритюда» Л. Сенгора, вскрыта ее порочность и заложенная в ней четкая социальная функция — стремление увести африканские массы в сторону от классовой борьбы, заме-

³³ Ibid. P. 67.

³⁴ *Dilolwa Carlos Rocha*. Contribuiçao a historia economica de Angola. Luanda, 1978.

³⁵ Ibid. P. 219.

³⁶ *Abranches Henrique*. Reflexoes sobre cultura nacional. Luanda, 1980.

³⁷ Ibid. P. 38.

нить социальные противоречия противоречиями расовыми. Большой интерес представляют содержащиеся в книге мысли и рекомендации относительно возможной стратегии МПЛА по возрождению и развитию национальной культуры в целях завершения процесса духовной деколонизации ангольского общества. Так, например, Э. Абраншиш пишет: «Совершенно ясно, что на местах становится необходимым постоянное присутствие наряду с политическими работниками и активистами также и исследователя. Поэтому я прихожу к выводу, что для развития культуры необходимо как можно быстрее готовить кадры активистов и исследователей, особенно в области истории, этнологии, а также антропологии, археологии, фольклора, языка и т. д.»³⁸.

Значительный интерес представляет труд молодого ангольского этнографа Антониу Антунеша Фонсека «О киконго Анголы»³⁹. Окончив экономический факультет Университета им. А. Нето в Луанде и став членом Союза писателей Анголы, А. А. Фонсека занялся изучением сначала фольклора, а затем этнографии своей страны. Книга «О киконго Анголы» по существу первый научный труд по этнографии Анголы, написанный ангольцем.

В ней исследуются происхождение народа баконго (автор употребляет термин «киконго») и его распространение в Анголе, система традиционного права, производственная деятельность, традиционное жилище, одежда, пища, брачные обряды, церемонии, связанные с рождением и смертью, и т. д. Во второй части книги приведены сказки, рассказы и песни баконго. В своем исследовании автор не только дает одно из самых обстоятельных в мировой этнографической литературе описание обычаев и традиционного образа жизни баконго, но и пересматривает устоявшиеся точки зрения и решает ряд важных проблем, которые до сих пор считались спорными. Так, например, некоторые этнографы утверждают, что у баконго существует патрилинейная система родства. А. А. Фонсека убедительно опровергает это мнение и доказывает преобладание у них матрилинейной системы. Много нового он вносит в изучение вопроса об обычном праве у баконго.

Как пишет Э. Абраншиш в Предисловии, А. А. Фонсека — «первый или один из первых ангольцев, который попытался покончить с монополией колониальной этнографии, чтобы информировать внешний мир изнутри Анголы не только потому, что он сам принадлежал к киконго..., но потому, что он принадлежит к молодежи, которая впервые после мрачных веков не только ощутила необходимость узнать в научном плане свой народ, но и нашла путь, как это сделать,— изучение, анализ, труд».

В 1985 г. в Женеве была издана книга молодого исследователя из Гвинеи-Бисау Карлуша Лопиша «Знаете ли вы Гвинею-Бисау?»⁴⁰. В ней содержатся разнообразные сведения о Республике Гвинея-Бисау (в том числе по истории и этнографии страны), а также обширнейшая библиография (монографии, документы различных организаций, справочные издания, журнальные и газетные статьи, изданные с 1960 по 1980 г.). Эта библиография — лучшая из всех изданных до сих пор библиографий по Гвинеи-Бисау.

В Мозамбике после завоевания независимости научные исследования по истории и этнографии страны получили новый импульс. Формируется национальная школа мозамбикских историков и этнологов, проводящих свои исследования с позиций марксистско-ленинской методологии.

Одним из пионеров мозамбикской национальной историографии и этнологии был безвременно скончавшийся молодой ученый Антониу Ногейра да Кошта (1951—1979 гг.). Работая над диссертацией по истории «Компании Мозамбика», А. Ногейра да Кошта заинтересовался ранним периодом проникновения португальского торгового капитала в

³⁸ Ibid. P. 114.

³⁹ *Fonseca Antonio A. Sobre os Kikongos de Angola.* Lisboa, 1985.

⁴⁰ *Lopes Carlos. Guine-Bissau, conhece?* Geneve, 1982; 2ed., 1985.

Восточную Африку, особенно проблемой его воздействия на государство Мономотапа. Результатом его исследований явилась опубликованная историческим факультетом Университета в Мапуту книга (1982 г.), которая в 1984 г. была переведена на русский язык и издана в СССР. Это оригинальное исследование интересно не только тем, что вводит в научный оборот большое число новых фактов, обнаруженных автором в ходе кропотливой работы над источниками, но и тем, что в нем принята попытка концептуально переосмыслить механизм и эволюцию взаимодействия одного из ранних государственных образований в Африке с португальским колониализмом с позиций исторического материализма. Хотя работа имеет по преимуществу исторический и политэкономический характер, в ней содержится также и ценный этнографический материал, выявленный автором в результате изучения старых португальских хроник, записок путешественников, миссионеров и купцов, официальной переписки XVI—XVII вв. и т. д. Разделы книги А. Ногейры да Кошта, относящиеся к описанию истории происхождения народов Мозамбика, их традиций, обычаев, образа жизни и т. п., следует признать ценным вкладом в накопление этнографических знаний и становление этнографической науки в Народной Республике Мозамбик. В частности, значительный интерес представляют выводы автора относительно устройства семейных общин (*мучас*) у народа шона (эти общины он определяет как «базовые ячейки социального устройства у шона»), его основных занятий, географического ареала его расселения. А. Ногейра да Кошта показал причины относительной культурной общности шона, особенно языковой, хотя они занимают обширную территорию. По его мнению, эта общность «стала результатом процесса, начавшегося в XV в. и приведшего к утверждению идеологии аристократии завоевателей, превратившейся затем в господствующий класс. То, что эта общность была установлена за весьма короткий срок, было связано... с наличием мощной государственной машины, имевшей в своем распоряжении сильный идеологический и репрессивный аппараты, облегчившие быстрое укоренение господствующей идеологии»⁴².

После завоевания Анголой, Мозамбиком и Гвинеей-Бисау независимости начался процесс институционализации историко-этнографической науки, который выражается в коренной перестройке существовавших ранее научно-исследовательских учреждений, замене прежних сотрудников национальными кадрами, подготовке новых учебных планов, программ, учебных пособий для средней и высшей школы.

Вместе с ростом кадров профессиональных историков и этнографов создается инфраструктура историко-этнографической науки. Центром изучения истории и этнографии Анголы стал Национальный университет. Кроме того, исторические и этнографические исследования ведутся в историко-этнографическом музее Дунду. Проведена реорганизация Исторического архива Анголы. Он переведен из помещения Национального музея в здание, где помещается Национальный центр информации, рядом с Институтом научных исследований по Анголе. Группа специалистов, работающих в Историческом архиве, готовит к печати справочники и каталоги архивных документов.

Научными центрами по изучению этнографии Анголы являются также находящиеся в Луанде Национальный музей, Музей рабства и открытый в 1979 г. в Бенгеле Археологический музей. Учреждена также Служба музееведения, отдел истории которой возглавляет Э. Абраншиш.

В 1976 г. в Луанде была создана комиссия по изучению топонимики, которая рассматривает вопрос о замене португальских географических названий африканскими. В результате ее работы ряд провинций, городов, улиц и кварталов уже переименован.

В Мозамбике центром изучения истории и этнологии страны стал исторический факультет Университета им. Эдуардо Мондлане в Ма-

⁴¹ Ногейра да Кошта А. Золото Мономотапы и португальские торговцы. М., 1984.

⁴² Там же. С. 53.

пути. При нем создан Центр африканских исследований, директором которого был назначен историк Акино де Браганса, трагически погибший в авиакатастрофе в 1986 г. Он летел в одном самолете с погибшим в этой же катастрофе президентом Народной Республики Мозамбик С. Машелом. Центр африканских исследований ведет большую научно-исследовательскую работу по изучению истории, этнографии и культуры народов, входящих в состав населения Мозамбика. С февраля 1981 г. отдел истории Центра африканских исследований начал издавать в Мапуту информационный бюллетень «Мы не должны забывать!», в котором публикуются статьи и информационные материалы по истории Мозамбика, причем главная задача бюллетеня — освещать историю национально-освободительной борьбы мозамбикского народа.

Изучение истории и этнографии Мозамбика ведется также в Историческом архиве Мозамбика в Мапуту и ряде музеев. На о-ве Мозамбик во Дворце святого Павла, построенном в 1635 г. и бывшем до конца XIX в. резиденцией генерал-губернаторов Мозамбика, после провозглашения независимости создан Музей колониальной истории. В его состав включены Музей флота и Музей христианско-церковного искусства (оба они существовали и в колониальную эпоху)⁴³.

В Музее колониальной истории имеются материалы этнографического и лингвистического характера об образе жизни, обычаях, культуре (в том числе и фольклоре) различных племен, составлявших население страны в колониальную эпоху.

Музей национального искусства начал в 1979 г. сбор материалов устного народного творчества по всей стране⁴⁴. В настоящее время накоплен значительный фольклорный материал, часть которого как первоисточник для этнографического изучения населения Мозамбика представляет значительную ценность.

Сектор истории Центра африканских исследований направил в 1979 г. в провинцию Кабу-Делгаду экспедицию под руководством Акино де Браганса и Аллена Айзаакмэна. Задачей этой экспедиции было проведение полевых исследований в рамках проекта, носившего название «Народное сопротивление в Мозамбике». В ходе этих исследований, проводившихся в районах Монтепуэз, Намуно, Макомаи, Муэда и Пемб"а, были опрошены многие бывшие участники и очевидцы вооруженной борьбы ФРЕЛИМО в 1964—1974 гг.⁴⁵ (свидетельства очевидцев, записанные на пленку, содержат наряду с чисто историческим материалом также и этнографические сведения, представляющие большой интерес для специалистов; некоторые из этих материалов опубликованы в виде отдельной книги)⁴⁶.

В июле—августе 1981 г. Центр африканских исследований, факультет педагогики университета и Исторический архив Мозамбика организовали совместную экспедицию по сбору материала по истории освобожденных зон. Участники экспедиции записали на пленку рассказы многих участников и очевидцев вооруженной борьбы, так что общее время прослушивания пленки составляет 140 часов⁴⁷. Часть этого материала представляет интерес и для этнографов. В порядке подготовки к экспедиции был изучен материал (главным образом записи устных народных преданий, легенд и другие виды фольклора), содержащийся в Национальном музее искусства⁴⁸.

В заключение следует отметить, что национальная этнографическая наука в португалоязычных государствах Африки еще очень молода. Но, несмотря на свою молодость и весьма сложное положение в этих странах, она быстро набирает силы: растут кадры ученых-этнографов,

⁴³ См. Tempo (Maputo). № 518. 14 de setembro de 1980. P. 54.

⁴⁴ Não vamos esquecer. Boletim informativo da oficina de História. № 1. Ano. 1. Fevereiro, 1983. Maputo. P. 39.

⁴⁵ Ibid. P. 38.

⁴⁶ Azevedo Licínio. Histórias da Luta Armada. Maputo, 1979.

⁴⁷ Não vamos esquecer. P. 39.

⁴⁸ Ibid.

проводя|ся этнографические экспедиции, в результате которых накапливается ценный этнографический и фольклорный материал, все более четкими становятся идейно-теоретические взгляды историков и этнографов, значительная часть которых стоит на марксистских методологических позициях.

Д. М. Д у д к о

**СКИФСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ПРАЗДНИК
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Легенда о происхождении скифов сохранена Геродотом (IV.5—7; 8—10) в двух версиях — «скифской» (сколотской) и «эллинской» (версии Г-1 и Г-П, по терминологии Д. С. Раевского). В первой из них повествуется, как Колаксай (младший из трех сыновей первочеловека Таргитая), сумев овладеть упавшими с неба пылающими золотыми дарами (плугом с ярмом, секирой и чашей), стал царем сколотов. Далее описывается религиозный праздник: «Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняют и с благоговением почитают их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают ему столько земли, сколько он сможет за день объехать на коне».

Историки XIX в. высказывали лишь отдельные замечания по поводу рассказа Геродота. Так, Я. Grimm привел ряд интересных параллелей из немецкого фольклора и обычного права (применение раскаленного сошника в ордалиях, мотив золотого плуга и др.)². К. Нойман в соответствии со своей теорией монгольской принадлежности скифов искал параллели в тюрко-монгольском фольклоре; местом проведения праздника он считал прародину скифов на Сырдарье³. По мнению Ф. Г. Бергмана, главный участник праздника (спящий со священным золотом) — это раб, охраняющий священные дары и подлежащий ритуальному убиению; подобное явление известно и у древних германцев⁴.

К. Рейхардт и Э. Боннель связывали золотые дары с представлением о некой «золотой стране» — прародине скифских племен (лежащей, по Э. Боннелю, у золотоносных гор)⁵. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков указывали, что способ наделения землей, подобный описанному Геродотом, фигурирует в тюркском фольклоре и обычном праве калмыков; но Я. Grimm еще раньше привел немало германских параллелей этому обычаю⁶.

Первое специальное исследование о скифском празднике принадлежит О. Глазеру⁷. По его мнению, главный участник праздника — типичный «священный царь», охраняющий племенную святыню и умерщ-

¹ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. С. 20—21.

² Grimm J. Deutsche Rechts Alterthumer. Göttingen, 1828. S. 88, 186, 914—915; *idem*. Geschichte der deutschen Sprache. Bd. I. Lpzg, 1853. S. 41—42.

³ Neumann K. Die Hellenen im Scythenlande. Bd. I. B., 1855. S. 269—270.

⁴ Bergmann F. G. Les Scythes les ancetres des peuples germaniques et slaves. Halle, 1858. P. 64—65.

⁵ Bonnel E. Beitrage zur Alterthumskunde Russlands. Bd. I. SPb., 1882. S. 175.

⁶ Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. СПб., 1889. С. 30-31.

⁷ Glaser O. Skythenkonige als Wachter beim heiligen Golde//Archiv fur Religionswissenschaft. 1937. Bd. 37.